

С.А.Мызников
*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург*

Глаголы прибалтийско-финского происхождения в новгородских говорах

При исследовании распространения прибалтийско-финского лексического субстрата на территории Обонежья и в смежных районах¹ обращает на себя внимание локализация изоглосс ряда слов в Новгородском регионе. Лексемы, бытующие в отмеченном ареале, при сходном (в сравнении с говорами Обонежья) этимологическом прочтении имеют ярко выраженные особенности в семантике, словообразовании и фиксируются в большом количестве фонетико-фонематических вариантов. Конечно, и в русских говорах Обонежья анализируемая лексика в ряде случаев представлена немалым количеством вариантов, но в отличие от новгородских говоров здесь вариантность формы, если она не восходит к различным субстратным типам (ср. **виклюк** 'кулик' < карел. **vikli**, люд. **vikl'i**; **витлюк** 'то же' < вепс. **vitlik**), связана с фонетическими особенностями той или иной диалектной микросистемы. В отношении словообразовательных инвариантов можно отметить преобладающую тенденцию в Обонежье образовывать единые ареалы с безаффиксной лексикой; в новгородских говорах слова, восходящие к одному этимону, часто представлены рядом дериватов, например: **лема** – **лемица**, **корба** – **корбушка**, **урба** – **урбушка** в Обонежье; **мендечина** 'заболонь', **канавренник**, **канарвенник**, **канаврик** 'багульник' в Новгородском регионе. Семантика слова в Обонежье обычно тождественна или сходна с семантикой

¹ См.: Мызников С.А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.

соответствующего этимона, тогда как в новгородском ареале значение русского диалектного слова более специфично, ср.: **макса** ‘рыбы молоки’ при фин., карел. **maksa** ‘печень’, **орма** ‘таволга’ при карел. твер. **horma** ‘иван-чай’

В качестве источника лексических материалов были использованы соответствующие диалектные словари. Основной упор был сделан на сплошном лингво-географическом обследовании говоров Новгородской области и смежных с ней районов Ленинградской области – Тихвинском, Киришском, Бокситогорском. Поскольку глагольная лексика, на наш взгляд, является весьма ярким показателем интенсивности межкультурных контактов, выделение ее в качестве объекта исследования проблем прибалтийско-финского лексического субстрата в русских говорах представляется правомерным.

Подобные глаголы уже рассматривались в исследованиях по прибалтийско-финско-русским языковым контактам. А.Л.Погодин выделяет две группы глаголов: 54 на **-айдать** и 42 на **-андать**². Я.Калима анализирует около 80 глаголов³, из которых 45 зафиксированы в словаре Г.Куликовского, 8 – в словаре А.Подвысоцкого, 10 слов фигурируют в обоих словарях, несколько глаголов приведены из других источников. Как видно из статистики, олонечский ареал, т.е. зона непосредственных адстратных контактов, дает основной корпус субстратных глаголов. Слов с локализацией в новгородских говорах у Калимы практически нет. Современные исследования глаголов прибалтийско-финского происхождения касаются, в основном, русских говоров Карелии⁴, по новгород-

² Погодин А.Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. С. 1–72.

³ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

⁴ См.: Сенкевич-Гудкова В.В. Прибалтийско-финские заимствования-синонимы в русских говорах Карелии (на материале говоров Заонежья и Пудожья) // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1965. Т. 257. С. 153–161; Паникаровская Т.Г. Диалектные глаголы речи **аркать**, **арандать**, **боронить** в севернорусских говорах // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1972. С. 40–49; Азарх Ю.С. О глаголах

скому ареалу подобные работы отсутствуют, поскольку до недавнего времени не было источников по лексике данного региона.

Полевые данные в совокупности с материалами НОС представляют незначительное количество глаголов в новгородских говорах по сравнению с Обонежьем. Следует отметить, что в Новгородском регионе адстратное влияние может иметь место в Тихвинском (карелы) и Бокситогорском (вепсы) районах. В Валдайском районе, где до недавнего времени было около двух десятков деревень с тверскими (по языку) карелами, сейчас практически не осталось носителей валдайского диалекта⁵. Удалось также установить, что карелы проживали в Окуловском (Каево), Демянском (Карельские Новики) районах. Полевые данные показывают, что в зонах недавнего адстратного языкового влияния число слов прибалтийско-финского происхождения значительно больше, чем в других районах, но это касается номинативной лексики, на частотности фиксаций и количестве глаголов это не сказалось.

Обращаясь к анализу материала, можно отметить следующие факты. И в Обонежье, и в новгородских говорах доминируют ономастопозитические глаголы и глаголы движения.

типа *улайдать* – *уландать* в севернорусских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 203–209; *Дубровина З.М., Герд А.С.* Об одном типе глаголов, заимствованных из вепсского и карельского языков в русские говоры Карелии // Вопросы советского финно-угроведения: Тез. докл. и сообщ. на XV конф. по финно-угроведению. Петрозаводск, 1974. С. 75–78; *Дубровина З.М., Герд А.С.* Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии // Советское финно-угроведение. 1979. № 4. С. 343–347; *Доля Т.Г., Суханова В.С.* К вопросу о глагольной синонимике в русских народных говорах Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 35–41; *Арзуманова Н.Г.* К вопросу об усвоении финно-угорских глагольных заимствований в севернорусских говорах // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 84–90; *Фадеев Г.А.* О структурно-семантической интерпретации синонимии (на материале глагольной лексики говоров Заонежья) // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 42–51.

⁵ *Palmeos P. Karjala valdai murrak.* Tallinn, 1962.

Последние, в основном, фиксируются в значении 'ходить, идти медленно, с трудом': **шамать** (Старорусский, Маловишерский, Окуловский р-ны), **шаметь** (Мошенской р-н), **шамотить** (Крестецкий р-н), ср. эст. **sammuda**, **sammoda** 'шагать, идти', карел. **šamota** (SKES 4, 963); **кобайдать** (Чудовский, Киришский р-ны); **халзать**, **халузить** (Боровичский, Тихвинский, Маловишерский р-ны), **харузать** (Чудовский р-н), ср. вепс. **häilda** 'ходить покачиваясь' (SKES 1, 96). Звукоподражательные глаголы преимущественно имеют значения 'болтать, говорить', 'ворчать': **лячкать**, **полячкать**, **разлячкаться** (ср. вепс. **läčkotada**), **буландать**, **шолтать**.

Территориальное распространение рассматриваемой глагольной лексики неоднородно. С одной стороны, новгородские говоры как часть севернорусской системы образуют единый ареал с говорами Обонежья, вологодскими, архангельскими говорами. Например: **карзать** 'обрубать сучья со срубленного дерева' (Любытинский, Валдайский, Хвойнинский, Мошенской, Окуловский, Крестецкий, Поддорский р-ны); **кехтать** 'быть в состоянии, мочь, желать, хотеть сделать что-л.' (Любытинский, Шимский, Валдайский, Окуловский, Крестецкий, Маловишерский, Чудовский, Киришский, Тихвинский р-ны); **малтать** 'понимать, мочь, уметь делать что-л.' (Маловишерский, Валдайский, Окуловский р-ны, только по данным полевого обследования, в НОС это слово не зафиксировано). Приведенные глаголы имеют значительное число дериватов, причем иногда аффиксальные образования расширяют ареал бытования опорного слова: **окарзать** (Чудовский, Демянский, Дрегельский, Маловишерский), **откарзать**, **обкарзать** (Залучский), **покарзать**, **выкарзать** (Чудовский). НОС отмечает лишь один случай деривации: **раскарзать** 'распилить на мелкие части (о дровах)' (Любытинский р-н). В западных и южных районах Новгородской области бытует омоним **карзать** 'чесать шерсть' (в НОС – Холмский р-н, по полевым данным – Холмский, Батецкий, Солецкий, Лужский р-ны) наряду с вариантом **карзить** в том же значении (Мареvский, Шимский, Чудовский

р-ны), ср. лит. *káŗzati* ‘чесать шерсть’ (Преображенский I, 298). Севернее, в ядерном ареале слова *каŗзать* ‘обрубать сучья (говоры Обонежья и Беломорья) в значении ‘чесать шерсть’ употребляется глагол *каŗтать*, ср. карел. *kartta*, люд. *kartte* ‘чесать шерсть’ из норв. *karda* (SKES I, 166). В Солецком районе в результате омонимического отталкивания⁶ бытуют глаголы *карзать* ‘обрубать сучья’, *тарзать* ‘чесать шерсть’

Лексема *кехтать* имеет менее развитую деривацию: *кехтовать, закехтать, покехтать*.

С другой стороны, часть слов вычленяется в более узкий ареал, охватывающий Киришский, Тихвинский, Чудовский районы, причем часто тихвинские говоры выступают как особый микроареал. Характерной особенностью глаголов, бытующих на указанной территории, является то, что довольно часто здесь представлены фонетические или деривационные варианты к сходной и, по-видимому, генетически однородной лексике Обонежья. Например: *арайдать* ‘кричать’ (Тихв. – СРНГ), ср. более частотный вариант *арандать*, распространенный в говорах Обонежья и Белозерья, в СРГК данный вариант фиксируется в сходных значениях в Обонежье и Посвирье; *бузандать* ‘разговаривать’ (Тихв. – СРНГ), в словаре Г.Куликовского отмечается значение ‘жужжать (о мухе)’, в СРГК данный глагол фиксируется в Прионежье и Посвирье; *буляндать* ‘говорить бессмыслицу’ (Боровичский р-н) является вариантом к *буляндать* ‘болтать’ (Прионежье); *бурандать* ‘ворчать’ (Киришский р-н) также фиксируется в словаре Г.Куликовского, в сходных значениях отмечается по СРГК в Обонежье и на западе Вологодской области; *мерендать* ‘ругаться, ворчать’ (Тихвинский р-н), также в Белозерье, более близкий к этимону вариант *мярядать* ‘плакать’ и дериват *замярядать* фиксируются в Прионежье и Посвирье. Большинство приведенных глаголов уже

⁶ Термин предложен: *Dausat A. La geographie Linguistique. Paris, 1922.*

рассматривалось в этимологической литературе⁷, однако слово **бузандать** не отмечалось как прибалтийско-финское по происхождению, хотя его ареальная дистрибуция позволяет предполагать вепсскую этимологию, ср. вепс. **buzeita** ‘жужжать’. Не совсем ясное происхождение у глагола **ектать** ‘говорить попусту, болтать’ (Чудовский р-н), может быть, он связан с фин. **joikua** ‘звучать, звенеть, петь’, карел. **joiguo**, **joikuo**, лив. **juoik** (SKES 1, 118). В отношении локализации глаголов на **-айдать**, **-андать** Ю.С.Азарх отметила общеупотребительность глаголов на **-айдать** на всей территории русского Севера, а их вариантов на **-андать** – соответственно в южном Прионежье, Белозерье, а также к востоку от Онежского озера до озера Лача⁸. В новгородских говорах (преимущественно в тихвинских и смежных с ними) бытуют в основном глаголы на **-андать**, по-видимому, этимологически связанные с вепским влиянием (вепсы, говоря по-русски, употребляют глаголы на **-андать**). Причем в среднем Посвирье (Подпорожский р-н) фиксируется глагольная лексика на **-адать** (с долгим **а**). В ряде случаев глаголам на **-айдать** (с доминирующей локализацией в Заонежье) и на **-андать** (распространенным в южном, юго-западном Прионежье) в новгородских говорах соответствуют глаголы без упомянутых формантов, сохраняющие лишь корневые морфемы, например: **юрайдать** – **юрандать** ‘греметь (о громе)’ – **юрнуть** (Чудовский, Тихвинский р-ны), **юрить** (Тихвинский р-н), **заюрить** (Чудовский р-н), **проюрить**, **проюркивать** (Окуловский р-н); **харайдать** ‘кашлять, храпеть’ – **харандать** ‘храпеть, каркать’ – **харить** ‘храпеть, спать’ (Киришский р-н).

Выделяется как отдельный ареал Боровичский район и примыкающие к нему территории. На Дialectологической карте русского языка 1914 года часть Боровичского уезда

⁷ См.: *Погодин А.Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка; *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967–1974. Т. 1–4.

⁸ См.: *Азарх Ю.С.* О глаголах типа **улайдать** – **уландать** в севернорусских говорах. С. 205.

представлена как зона с нерусским населением⁹. Здесь фиксируются следующие глаголы: **кабалить** ‘изготавливать свивки для сплотки леса’ (в СРНГ ‘связывать макушка к макушке еловые прутья’), по-видимому, связанное с вепс. **kabaloita**, карел. тихв., твер. **karaloita** ‘пеленать’ (KKS 2, 59; СВЯ, 161); **захалеть** ‘заболеть’ (в СРНГ **перехалеть** ‘переболеть’) < карел. **hallata** ‘стать немощным, дряхлым; повреждаться, портиться’ (KKS 1, 157) (вряд ли сюда же относится лексема **халеть** ‘умирать’, отмечаемая в костромских говорах, ср. венг. **hálni** ‘умереть’); **пандазить** ‘с усилием искать’ (СРНГ), ср. карел. **ponnistoa** ‘с усилием делать что-л.’ (KKS 4, 394–395); **гойкать, гойнуть** ‘кричать, крикнуть’ (в начале слов звучит γ фрикативное, что характерно и для субстратной номинативной лексики, ср. **γорма** ‘таволга’, **уукка γавда** – топоним) < карел. **hoikkaa** ‘кричать’ (KKS 1, 300).

Часть глаголов фиксируется на западе Новгородской области, образуя единый ареал с псковскими говорами: **луймить** ‘бить, колотить’, ср. эст. **lõõma** ‘то же’; **расхиматить** ‘разлохматить, растрепать (волосы)’, **расхиматиться** ‘разлохматиться’, от повсеместно распространенного в новгородских говорах **химы** ‘волосы’, которое, вероятно связано с **шими, шимаки** ‘взлохмаченные волосы’ (Прионежье). Как **химы**, так и **шими** могут восходить к фин. **siima**, карел. **siima**, люд. **siim**. Однако предложенную версию следует проверить и уточнить, например, имеет ли отношение рус. курск. **хим** ‘шея, загорбок, верхняя часть спины’ (Даль IV, 548) к представленному материалу.

Часть слов имеет спорадические или единичные фиксации в отдельных населенных пунктах. Лексема **равгать** ‘мяукать (о кошке)’ (Новгородский р-н), вероятно, связана с глаголом **равайдать**¹⁰. Слово **шолтать** ‘говорить’ (Валдайский р-н), ср. фин. **solottaa** ‘быстро говорить’, карел.

⁹ Диалектологическая карта русского языка в Европе. Пр., 1914.

¹⁰ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. S. 193.

šoglata ‘говорить’, лив. **šolista** ‘журчать’, люд. **šolaita**, возможно, восходит к приведенному дескриптивному гнезду (SKES 4, 1064). Глагол **сурустать** ‘немного поесть’ (Быт. – Куликовский, 116) Я.Калима соотносил с фин. **suurustaa** ‘завтракать’¹¹ На наш взгляд, его допустимо связать с **сурухатъ** ‘толочь картошку’ (Чудовский р-н), **насурукатъ** ‘нарезать чего-л.’ (Окуловский р-н). SKES свел воедино материал Калимы и слова **суруска**, **сурузну** ‘немного’, **сурус** ‘крошка’ (SKES 4, 1128).

Некоторые слова, бытующие в новгородских говорах, не этимологизируются на русской почве. Возможно их прибалтийско-финское происхождение, но достоверность версий невелика вследствие недостаточности русского диалектного материала и неоднозначности вариантов его прочтения. Например: **хатовать** ‘разбрасывать семена, сеять’ (Любытинский р-н), ср. карел. ливв. **hätätä** ‘нагружать, наваливать кое-как’, вепс. **hätä** ‘снимать, удалять’, фин. **häättää** ‘исчезать’; **кимиться** ‘делать что-л. долго, возиться’ (Маловишерский р-н), ср. фин. **kiämittiä** ‘наматывать нитки’

В заключение следует отметить, что глаголы с корневой морфемой прибалтийско-финского происхождения в новгородских говорах в качестве этимона имеют преимущественно соответствующий глагол, нечасты случаи заимствования в говоры существительного с его дальнейшей вербализацией (**химы** – **расхиматиться**); зафиксирован один случай, когда этимон представлен субстантивом, а в говорах сохранился только глагол: **огавреть** ‘покрыться инеем’ (Валдайский, Демянский р-ны), ср. карел. **hauru** ‘холодный туман’, люд. **hauru** ‘иней, туман’ В представленном лексическом материале доминирует карельское влияние, возможно, вепсское, редко эстонское.

¹¹ Ibid. S. 222.